

Юрий Енцов

Волшебные
рассказы

Юрий Енцов
Волшебные рассказы

«Издательские решения»

2015

Енцов Ю.

Волшебные рассказы / Ю. Енцов — «Издательские решения»,
2015

12 рассказов собраны под одной обложкой, потому что пришла пора. Наступил долгожданный «конец света». Мы пережили «конец истории», надеюсь переживем и его. Тем, кто не переживет — им уже не нужно книг, по той простой причине, что им будут доступны все написанные до сей поры книги. Есть такое предположение.

Содержание

Командировка на тот свет	6
Галатея	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Волшебные рассказы

Юрий Енцов

© Юрий Енцов, 2015

© Рамиль Галиев, дизайн обложки, 2015

Редактор Светлана Рябухина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Командировка на тот свет

Его рассказ меня озадачил. Дело в том, что Андрей – совершенно не производил впечатление человека, читавшего Моуди и вообще интересующегося темой «жизни после смерти». Я-то книголюб, – когда в конце восьмидесятых такая литература появилась у нас, не мог пройти мимо – это было что-то новенькое, завлекательное. Хотя задним числом понимаешь, что некоторые американские книжки, наподобие Карнеги, имеют только одно достоинство – название, которые всю заявленную тему раскрывают, и исчерпывают, дальше можно не читать. Но есть ведь еще Тибетская и Египетская книги мертвых, они-то писались столетиями, и в то distinguished время они как раз появились у нас в продаже.

Но мой друг «ботаника», интересующегося такого рода материями, совсем не напоминал, он, когда мы с ним познакомились, катался на скейте, сплавлялся на байдарке и прыгал с парашютом. Да, учился в университете, но при этом... стрелялся жеваной бумагой на переменах. Наша учеба пришлась на веселую Перестройку. Все было прекрасно за исключением пары пустяков: руководящей роли этой скучной партии и отсутствия в достаточном количестве импортных шмоток.

Потом студенческая лафа закончилась, начались трудовые будни, перемежающиеся взятием Останкино, штурмом Белого дома. Некоторые наши однокурсники стали очень заняты. Мы с Андреем иногда встречались – выпить портвешка. Но вот однажды, когда я его увидел в Москве на улице Правды, его лицо в некоторых местах «украшали» лишённые пигмента пятна, наподобие тех, что появились у Майкла Джексона, перед тем как он побелел окончательно. Но у моего однокашника это было не болезнь витилиго, а – следствие ожога.

Оказывается, когда стало не хватать зарплаты, он поехал подработать – сопроводить груз по железной дороге. Тогда в 90-х некоторым перестали платить зарплату, приходилось как-то изворачиваться. Я, например, стал больше писать, однажды тиснул заметку в одной газете, получил гонорар, и, добавив немного, купил ребенку авторучку. Отнюдь не с золотым пером, самую простую, шариковую. А герой этой истории по первой своей профессии помощник машиниста, он решил этим обстоятельством воспользоваться.

И вот на одной из железнодорожных станций старший по поезду сказал ему:
– А ты знаешь, что на твоём вагоне люк открыт?

Андрей быстренько полез по наружной лестнице – проверить. Люк был крепко закрыт, старшему – показалось. Почудилось. А дисциплинированный проверяльщик – оказался под высоковольтными проводами. Причем, не 220, а все 2000 вольт! До них было высоко, метра полтора, он ничего не задевал. Но моросил дождь, воздух был сырой, и этого оказалось достаточно для заземления. С треском сверкнула техногенная молния и в карабкающегося по металлической крыше человека – ударил разряд. На нем загорелась одежда. Больше он ничего не помнит. Потом ему рассказали, что с крыши вагона он – весь в огне – спустился сам. Потом упал, к нему подбежали, погасили, сорвали то, что осталось от куртки. Он остался лежать на железнодорожном щебне под дождем полуголый, и практически мертвый...

По крайней мере, местные врачи, приехавшие по вызову, авторитетно заявили: «Готов!» А что вы хотели, мощный удар током и ожоги 70 процентов тела! Отвезли куда надо, не в морг, а в приемный покой больницы. В полусгоревших лохмотьях нашли служебное удостоверение. Позвонили в организацию, так, мол, и так – ваш сотрудник сгорел на работе. Там специально обученный человек сел писать прочувствованный некролог...

Андрей же в это время оказался вовсе не в «тоннеле», о котором так много написано, а у какого-то лифта. Пред ним стоял человек в приличном костюме и при галстукe, лицо которого, с короткой, аккуратной подбрившей бородкой, показалось ему смутно знакомым. И человеку этому мой друг явно был не совсем чужой, потому, что он сказал:

– Ну вот, ты просил организовать тебе командировку, можешь теперь все посмотреть...

Тогда только он вспомнил странный случай, происшедший с ним на охоте, в северной тайге. Дело было осенью, примерно за полгода до тех событий на станции. Они промышляли с товарищем в дремучих дебрях. Листья уже почти облетели, лес стоял серо-коричневый. Он сидел один с ружьем и ждал когда фауна успокоится, и пошлет ему какого-нибудь зайца, с которым ей, фауне – не жаль расстаться, или птицу наподобие вальдшнепа.

Но тут в зарослях – показался Сам. Сначала Андрей подумал, что это идет сохатый. Пригляделся... Нет, не лось. На двух ногах идет. Медведь? Они вообще-то на задних лапах ходят только в цирке. А в естественных условиях встают вертикально, если рассмотреть что-то хотят, или напугать кого. А Это – шагает между коричневых кустов, сливаясь с ними, и направляется вовсе не к Андрею, а мимо него куда-то по своим делам. У охотника ружье, но воспользоваться им – у него и в мыслях не было. Он встал и задом-задом, оглядываясь и держа ствол наизготовку, стал уходить с места неудачной охоты. Потом побежал во всю прыть прочь, изредка озираясь.

Добрался до лагеря, где стояли палатки, покопался в рюкзаке. Достал бутылку водки, и выпил половину ее содержимого. Остатки они докончили с напарником, когда тот вернулся. Андрей рассказал ему:

– Ты знаешь, а я ведь Снежного человека видел.

– Не бывает Снежных людей, – возразил опытный напарник, закусывая.

– Кого же я тогда повстречал? – вступил в дискуссию Андрей. – Я его видел как тебя, в пятидесяти метрах, по цвету как медвежья шкура, метра два в высоту, идет на двух ногах.

– А это был бес, – объяснил товарищ, предпочитающий рассматривать нашу жизнь сквозь призму традиционной в наших местах религии. – Если его кто-то видит, то такого человека в скором будущем ждут серьезные испытания.

Ну, бес не бес – это вопрос спорный и открытый. Для кого-то бес, для кого-то йети. В любом случае надо было спать, утро вечера мудренее. Они улеглись, каждый в своей палатке, в обнимку с ружьями и Андрей, после пережитых потрясений и выпитого заснул сном праведника. И приснился ему необычный сон. Вообще он из тех, кому снятся сны, но этот – был запредельно фантастическим.

Он оказался во сне перед каким-то лифтом. Тут же стоял представительный мужчина в костюме, с короткой бородкой.

– Как к вам можно обращаться? – спросил Андрюша.

– Петр, – представился мужчина.

– А меня Андрей зовут, а что это у вас за лифт, куда на нем можно проехать?

– Да куда угодно, – ответил мужчина, хотя и при исполнении, но очень доброжелательно, попросту, безо всякого высокомерия.

– Ну и как там? – не унимался Андрей.

– Да по-разному. Это, смотря куда поехать: вверх или вниз, – ответил Петр.

– А можно посмотреть? – спросил мой друг.

– Разве что недолго, – легко согласился Петр, и они зашли в лифт. – Куда поедем?

– А давайте вниз, – предложил Андрей.

– Давайте, – согласился Петр и нажал самую нижнюю кнопку.

Лифт тронулся, они спустились, и, когда дверь открылась, оказались в каких-то толи пещерах, толи шахтах, толи тоннелях, наподобие той части метро, которая начинается после освещенной станции, и где ходят поезда. Было тускло, сновали какие-то существа, соединяющие в себе звериные и человеческие черты.

Им навстречу попался тип, очень похожий на ходящего на задних ногах козла. Морда его – напоминала страшненькое лицо, точнее рожу, в глазах – было что-то осмысленное. Все

остальные такого же типа существа его шпыняли, толкали, а он воспринимал это как должное. Андрею стало его жаль, и, выбрав подходящий момент, он спросил:

– Ну как тут у вас?

– Да погано, не видишь что ли, – присипело существо человеческим голосом.

– Где ты тут живешь? – поинтересовался Андрей.

– А? – не понял существо.

– Ну, дом-то твой где? – переспросил наш путешественник, но его собеседник был невнимателен и не уразумел вопроса. Сам что-то стал объяснять, при этом ежась, морщась и кося глазами по сторонам, потирая себе уродливые коричневые щеки грязными заскорузлыми пальцами. Андрей, ничего не поняв из этих ужимок:

– Может, посмолить хочешь? – спросил он, протягивая своему собеседнику пачку сигарет, и сам закурил. Они пошли по тоннелю. Андрей оглянулся, чтобы узнать, не пора ли возвращаться, экскурсовод Петр чуть отстал, но ничего не говорил, задумался видно о чем-то своем.

Он снова посмотрел на своего нового знакомого, который дымил его сигаретой, но тут из бокового прохода выскочил какой-то огромный верзила с большущей головой и страшной пастью. Он вцепился зубами в говорящего козла, словно прожорливый Сатурн, откусил ему башку, схватил тело под мышку и зашагал прочь, только на земле осталась лежать недокуренная сигарета.

– Ничего себе, – сказал или просто подумал опешивший Андрей. К нему подошел Петр:

– Ну, наверное, хватит с тебя, – сказал он. Они вернулись к лифту.

– А как там, наверху, можно туда поехать? – спросил Андрей, когда они очутились в уютном лифте. Петр покачал головой:

– Нет, сегодня нельзя, времени уже нет.

– А если как-нибудь потом? – не унимался Андрей.

– Зачем тебе это, увидишь в свой срок, – сказал Петр, пытаясь его урезонить.

– «В свой срок» понятно, все там будем, – сказал Андрей. – Но я имею в виду в командировку. Может, как то устроим?

– Ну, если хочешь, устроим, – сказал Петр, глядя на Андрея своими спокойными ясными глазами и чуть-чуть улыбаясь. Лифт остановился, открылась дверь и... Андрей – проснулся. В лесу, в палатке.

Приснится же такое. Но поохотившись, он вернулся в город и забыл про этот сон.

Быстро пролетели несколько месяцев... И вот он попал в тот сон снова. Так бывает. Если сны жуткие, то люди обращаются к психиатру. Если приятные, то просто живут дальше.

– Ты же просил про командировку, – сказал старый знакомый, Петр, все так же улыбаясь, словно они не расставались. – Поехали.

Андрей не стал препираться, ведь действительно, просил, было дело. Они зашли в лифт.

– На первом этаже ты уже был. Там, то же самое, – сказал Петр по-деловому.

– Тогда на второй, – предложил Андрей. Петр нажал нужную кнопку.

Они попали в сумрачный город, где шла война. Это Андрей понял сразу, потому, что бывал в горячих точках. Если тут и существовало небо, то из-за дыма и пыли его невозможно было разглядеть. Те, кто находился здесь постоянно – так же беспросветно страдали, что и козлоногие внизу, но они уже чуть больше походили на людей, хотя людьми их можно было назвать только с натяжкой. Остервенело уничтожая друг друга всеми способами, они не испытывали при этом ни малейшего удовлетворения.

Вернувшись в лифт, Андрей с Петром поднялись на третий уровень и снова вышли наружу. Мой любознательный друг, походив вокруг, посмотрев на людей, не заметил особой разницы с тем, что видел ежедневно в родном городе. Хотя город был другой, но мало ли городов на свете, на этом и, извините, на том. Этот уровень, по его мнению, соответствовал нашему

реальному миру, но чем-то очень отличался. Пожалуй даже больше чем Москва отличается от Парижа.

Четвертый этаж – оказался чуть поинтереснее – там уже легче дышалось, не было никакой толкучки и жители, хотя и говорили на понятном языке, были как-то необычно приветливы. Как курортники европейцы, или, все более и более редкие, коренные москвичи с петербуржцами.

На пятом этаже, когда они туда поднялись, было просто чудесно и очень комфортно. Наш путешественник поднимался и на более высокие уровни, но там – ему было немного не по себе. Не удавалось найти общий язык с находящимися там людьми, которые были милы и приветливы, но казались задумчивы. Он не понимал их мыслей, не знал, чем они живут, и чего хотят. Поэтому, воспользовавшись любезностью Петра, вернулся на пятый уровень и – завис там на целую неделю.

Он познакомился с молодой женщиной лет тридцати, они уехали с ней в горы и летали там на дельтаплане. Сойдясь с ним поближе, новая подруга призналась ему, что... умерла в 75 лет.

– Ты хорошо сохранилась, – сказал он ей.

– Дело не в этом, – ответила она. – Просто здесь можно быть в том возрасте, в котором нравится.

Их отношения развивались, но до интима не дошло. В какой-то момент Андрей заскучал по дому и стал собираться. Он спросил подругу:

– Как ты думаешь, мы встретимся?

– Если ты хочешь, – ответила она.

– Я хочу, – признался он.

– Тогда встретимся. Через... пятьдесят лет, – ответила она. – Ты будешь жить долго.

– Ты, наверное, состаришься тут опять. Забудешь меня, – предположил он.

– Не беспокойся, время относительно, – ответила она ему. – Для тебя полвека, для меня пройдет всего месяц, и мы опять увидимся.

Они обнялись на прощание у лифта, и тут Андрей услышал голоса. Он открыл глаза, почувствовал страшную боль во всем обожженном теле, застонал.

– Ничего себе, живой, а мы думали «откинулся», – сказал медбрат. Он вызвал врачей и те стали лечить вернувшегося с того света.

Андрей полгода лежал в разных больницах. Ему пересаживали кожу. От него ушла жена, уверенная, что он останется инвалидом и не хотевшая с ним возиться. То, что он несколько лет воспитывал ее ребенка, не пил и все нес в дом – было мгновенно забыто.

Но через полгода он на костылях отправился в военкомат. Там ему сказал, что теперь он не военнообязанный. Это Андрея огорчило, он заявил, что десантники не сдаются и действительно скоро начал ходить самостоятельно. Правда на перемену погоды у него болит нога, через которую прошел удар электрического тока в 2000 вольт.

Примерно в это время я его и повстречал на улице «Правды» с двуцветным лицом. Он мне рассказал про несчастный случай, но про видения во время двадцатиминутной отключки, про путешествия в лифте – долго не говорил.

Только через несколько лет, когда мы поехали на соревнование по подводной охоте в Кабардинку он, сидя на пляже и поглаживая огромный шрам на ноге, вспомнил эту историю и рассказал подробности. Он к этому времени опять женился, я был шафером, а заодно и шофером на свадьбе.

– А похожа твоя жена на ту женщину? – спросил я.

Он посмотрел на плещущуюся в волнах супругу и помотал отрицательно головой:

– Нет, ничего общего.

– Шикарная история, – сказал я. – Тебе надо про это не написать.

– Да неохота, – ответил он. – Еще примут за психа.

– Ну, давай тогда я напишу?

– Пиши. Дарю, – сказал он со смешком. Я обрадовался, но, как оказалось, рано. Когда мы в тот вечер вернулись домой, все молча сидели, уставившись в телевизоры. Оказалось, что какие-то террористы захватили самолеты и врезались в нью-йоркские небоскребы.

Потом было еще что-то и еще. В общем, прошло двенадцать лет, прежде чем у меня что-то получилось написать.

Галатя

Мой маленькая подруга не сделала, наверное, никому на свете зла. Она только появилась, к тому моменту около двадцати лет назад, и выросла за это время. А взрослые должны любить друг друга. Детям это не обязательно.

Да, простите, я не представился. Человечек. Это прежде я был тот самый никому не известный никто неоткуда, спешащий не пойми куда. Но возможно во второй части трагедии я стану центральный персонаж?

В первый раз я увидел ее в дождливое утро, осеннее как теперь, или симметричное ему весеннее – уже не помню. Было сыро и холодно. Я спешил на лекцию, где, мне казалось, проводил время с пользой, из чего можно заключить, что в дальнейшем речь пойдет либо о молодом душою профессоре, либо о студенте с юным телом. Возможно, кому-то приятнее бы почитать о первом, но я выбираю второе. И это тело ябло, кутаясь в темно-зеленую «парку»– немецкую куртку, чересчур самоуверенно для нашей погоды изображающую теплую одежду, с капюшном наподобие доминиканского.

Другая курточка, малинового цвета со светлым меховым орнаментом из оленей поверху – соприкоснулась с моим рукавом в вертящихся алюминиевых дверях тесного вестибюля. Двери были маленькие, а вели в двадцатиэтажный дом. Мы ничего не заметили. Правда, я увидел какую-то, как мне показалось, мартышку в джинсах. Но я же не специалист по обезьянам, лемурам – приматам. Разве что – по химерам. Какое мне дело до нее, сказал я себе. Пусть даже она занесена в Красную книгу. Ведь есть же такие, которые вообще вымерли, как, например, богроволицы Козлоноги, которые осенью не вылезали из своих завешенных плющом пещер, где беспрерывно горел огонь и густой ароматный дым, пощипав в носы, поднимался к закопченным сводам. Как оказалось впоследствии, Ее Величественная Беззащитность приехала в наши места из края, где некогда обитали сатиры и фавны – в ущельях среди невысоких, поросших буком и кипарисами, гор на берегу теплого моря. Там они делали кислое вино из дикого винограда, и пили его, сидя осенью в своих просторных подземельях...

Увидев ее еще несколько раз, я тут же забывал о ней. Как и она обо мне. Но она меня замечала, ведь трудно не заметить, даже если думаешь в это время о более приятных вещах. Ее все время отвлекали городские типажи, так отличающиеся от меня с этим венком из листвы зеленоватого газа в кудрях, который делает своего носителя похожим на ореховый куст. На кого же еще походить лесному жителю, завершающему род, вымерший от виноградного алкоголизма и перемены климата. Мы забыты, а мой головной убор кажется теперь архаизмом.

Соответственно – и ею тоже. Она не помнит своих единокровных братьев, планета Мнемозина ущербна в ее гороскопе. Вот только когда этому маленькому лесному чертику снится в летнюю ночь, что она бежит по лесу нагая с алыми цветами в руках, она просыпается с бьющимся от восторга сердцем, чувствуя утерянное. На мгновенье. Оно исчезает вместе с ночной темнотой.

Мы познакомились случайно. Как-то раз 17 мая одна тысяча девятисот неважно какого года в два часа дня, заскочив в трамвай, я обрадовано уселся на свободное алое пластмассовое сиденье. А, повернув голову, увидел, что у окна – уже устроилась, и прихорашивается, ни на кого не обращая вниманья – она.

Обратно мы ехали вместе.

Потом был столик в кафе на втором этаже Дома образцового быта, иным и не могло быть скопище студентов, отобранных сюда по строгому конкурсу. Я покурил словно живой треножник бога Хрона, ее жертвенником стала дымящаяся чашка кофе, изображенная половиной стакана горьковатой жидкости с многозначительной пенкой на поверхности. Время шло. Наш столик повторился раз пять или семь, прежде чем она поняла, что я ей кого-то напоми-

наю. Но даже теперь она не знает толком – кого именно? Достаточно того, что знаю я. К чему вспоминать общих предков в наше время ханжеской морали? Тем более таких, существование которых доказывается одними, а другими опровергается.

Когда я увидел ее отца и брата – обомлел, так они были похожи на меня: те же густые выющиеся волосы, неподвластные гребням, но у меня они были светлее мастью; те же мускулистые лбы, призванные играть длинными бровями; глаза на выкате и носы, самое главное носы с выпирающей кверху костью; бороды у существ нашей породы только и ждут совершеннолетия, чтобы попереть из всех пор кожи стремясь закрыть все на лице вплоть до ушей, но моя, к счастью не очень темная. Что, впрочем, не свидетельствует ни о чем кроме моего плебейского происхождения; все что под одеждой покрыто мелкими-мелкими волосиками, в некоторых местах, сбегаящимися в кучки для общения. Впрочем, я не слишком рассматривал волосатость их тел, с меня хватало моей собственной, по которой я сужу, что все это заканчивалось разнообразными ногами, которые могли быть такими прекрасными у меня или же значительно хуже, важно то, что на пальцах ног, стремительно растущие ногти, нуждались в частой стрижке, в противном случае грозя превратиться в копытца...

Родственники не обратили внимания на мою реакцию, не придали этому значения. Тем более что далее ничего особенного не происходило, я даже не сквернословил, не дебоширил, напившись, даже не был замечен в хищении предметов домашнего обихода – чего же боле? Они смирились с моим наличьем, потому что любили свою девочку, а потому многое ей простили.

Они были заняты своими женщинами и другими собственными проблемами, виделись мы не часто. Я в этой семье больше имел дело с женским началом, двумя его отшлифованными гранями. Маму звали Майей. Она была невысокая, бодрая, хотя и седовласая женщина, жила подле своей дочери в тщетной иллюзии остаться незамеченной. Никто не понуждал ее к этому, с моей стороны обман легко раскрылся, но ее невольное, привычное заблуждение пребывало неизменным.

Мы виделись часто, каждый день, может быть, чаще, чем нужно я устремлялся в башню из блочного бетона над разобранными трамвайными путями. Но гораздо реже, чем хотелось. Едва освободившись от моих необременительных добровольных обязанностей, или, сделав вид, что освободился, я бежал, летел, туда, где меня ожидало дитя иллюзорных заблуждений. Торопился, покупал или не покупал цветы – в зависимости от того имелись ли в продаже негосударственные сорта. Впрочем, однажды я принес охапку гвоздик, доставшихся мне на студенческом сейшене, в массовом количестве они теряли свое политическое значение. Иногда мне казалось, что опаздываю, я отчаянно ловил горделивый таксомотор, но его светлосалатный корпус проносился к более важным делам, чем моя неуверенно размахивающая рука. И, как оказывалось, совершенно правильно, потому, что я приезжал гораздо раньше положенного времени.

Иногда я начинал понимать это, еще находясь в одном подземном переходе: «Еще масса времени!» – и так от случая к случаю. «Что за странный переход, – думал я, лавируя меж плечами, – перелет, перескок, переступ. Переходы бывают разные, например, переход времени года, сезонное превращение послевесенья в предлетье, полное смятения перед наступающей порой отпусков. Но что стоит чарующее предвиденье наступления лета – в наши дни, когда экономика наполняет всех небывалой уверенностью в завтрашнем дне?»

Во время летнего дождя так же душно как до него. Прохлада приходит с некоторым запозданием, но если небо расщедрится, влажный холодок проникает всюду, тотально охлаждая умы, помимо, может быть, толстенных черепных коробок врожденных дебилов, про которых ничего сказать не могу, кроме того, что они есть и даже, как утверждают, святы, а потому не могут быть вульгарны. Прохлада летнего дождя – это средство против всего вульгарного, за исключением диалектического материализма, который так же не может быть вульгарен, по определению, а не из-за святости, он на нее и не претендует.

Так размышляя, улыбаясь и шевеля губами, я насквозь пропитывался свежащим запахом городского дождя и нес его в пропыленное учреждение. Ее учреждение. Хотя она там являлась всего лишь маленькой женщиной при большой электрической пишущей машине. Таковой эта контора и осталась для меня, и, быть может, станет для тех, кто согласится признать за человеком право давать серьезным организациям имена девиц, как это делают с тайфунами.

– Он сметлив, любознателен, на редкость проницателен, мгновенно разгадывает внутреннее переживания людей, – подслушал я однажды ее слова. – У него хороший вкус и приличные манеры. С момента нашего знакомства этот Человек преисполнен жажды деятельности, он все время мне говорит: «Я должен делать что-то, и руки чешутся начать работу».

Ба, да ведь это же про меня! Я вышел, чтобы через некоторое время вернуться.

Иногда, приехав особенно рано, чтобы не отвлекать Галатею от работы, я заходил в ближайший пивняк. Неказистый на вид он был темен, словно старое серебро: якобы деревянные панели на стенах, две стойки, четыре окна. Только алюминиевая тележка уборщицы – блистала чистотою стиля. Я не понимал, отчего ощущаю себя здесь инородным явлением? Быть может, чтобы рассказать сейчас с долей отстраненности об этом помещеньице на первом этаже сталинского дома с тусклым видом на Садовое?

Бутылочное пиво, подаваемое там, ничуть не вреднее для здоровья читающих, чем старая Соса-Сола, о которой я так много знал тогда по художественной литературе, но попробовать не случилось до сих пор. Взяв пару бутылок, и полагаясь к ним мясо некое загадочного животного, возможно, единорога, хотя, вспоминая его вкус теперь, думаю, что это была всего лишь холодная говядина; я присоединился к компании, совершавшей что-то вроде «чайной церемонии» с пивом, традиции которой, к сожалению, уже почти утеряны. Спросив: как сыграл «Спартак»? – хотя, возможно, это и не обязательно, и, поставив мои скромные две к их стеклянной баррикаде, я принимался слушать речи со связками слов, смотреть на одиноких потертых в пиджаках, пивших торопливо, чтобы, схватив и утершись, поспешать, в отличие от компаний, занимавшихся распитием медленно, с чувством собственного достоинства.

Уборщицы, полупьяные женщины в белом подталкивали тускнеющее серебро своих тележек из авиационного металла. Иногда раскрывающаяся дверь обнажала тротуар, самый пыльный в городе, по причине поездов, съезжающих сюда в длинный низкий вокзал из разнообразных мест вместе с тамошней пылью. Выйдя – непременно наткнешься на небритого грузина со смуглой женой и чемоданом, словно бы поставленного тут навечно в качестве деревянной тумбы для ориентировки.

Прошел год. Начиная вспоминать, ловлю себя на мучительном: было ли все это? Так вы говорите летом? Ну не зимой же, которую я не очень люблю. Лучше всего если это будет конец весны, когда впереди целое лето, и думать о том, как оно станет тянуться долго, теплое и солнечное – удивительно приятно.

Давайте условимся, что все произошло в конце весны. Но, конечно, не просто календарной, потому, что в этот счастливый високосный год весна началась уже в феврале, когда резко прекратились морозы, и все стало таять; лето – в апреле, а закончилось только шестнадцатого сентября в половине четвертого, когда я позвонил Галатее на работу.

Уже были сданы все летние экзамены: правописанию меня учила Настасья Тихоновна, сопромат принимала украинка Марь-Иванна, русскую литературу решительный педагог Ниночка Ивановна, научный коммунизм преподавал немецкий товарищ Карл Фридрихович, давно уже сжегший свой список кораблей; зачет по атеизму и теологии мне поставил профессор Нечаев, по теории стихосложения поэт Бабаев. Химические реакции мы изучали с Парасельсом, музыку с папашей Вагнером, который, впрочем, освоил так же и науку кристаллизовать, то, что жизнь творила органично. А так же кум, дядя, брательник, в нужную минуту, явившийся к дебюту...

Еще я факультативно учил сербохорватский, так как мне казалось: что-что, а уж этот смешной язык мне не понадобится никогда.

Один великий мыслитель философ, литератор да к тому же еще королевский советник как-то заметил, что писатель своей тягой к красоте и деятельности во имя ее превосходит даже Черта. Однако он не до конца очеловеченное существо. Это чистый дух, лишенный постоянной плоти, как бы переходное состояние между материей и сознанием. Оттого сочинитель вынужден оставаться как бы внутри некоей невидимой колбы и в таком не слишком удобном положении – участвовать во всем что вокруг происходит...

Чаще всего я был приглашаем к ней домой, а не на место работы, где, продемонстрированный кому надо, уже мог не появляться без нужды. Заехав как-то вечером, я предложил Галатее погулять. Побродить по нашей округлой планете, на которой совершенно невозможно удержаться от тычка легкой, мягкой шутки. Плоская прямота несносна при таком ландшафте, в коем приятнее, скользя и перебегая, напевать попури и, между делом дерзко мяукать, выходящим из ресторана проходим.

Простите, о, простите меня!

Целый день, просидев дома, она с удовольствием согласилась. Запорхала по своей цветочной квартирке, где зеленело в каждой комнате, цветы росли или, как минимум, были нарисованы на обоях. Она принесла откуда-то свою черную бархатную юбку.

– Я надена ее, – сказала она, глядя на меня своими счастливыми близорукими глазами.

– Буду ужасно рад, – ответил я, – ты опять показала замечательный вкус. Эта юбка очень подойдет к сегодняшнему вечеру.

Это была ее единственная юбка. Правда, у нее еще имелись джинсы, о которых я уже говорил, сарафан, две блузки – с рукавами и без, смертельно модная белая «летучая мышь» машинной вязки с искрой, которую ей подарили на день рожденья и, чуть не забыл, была еще одна юбка – цвета беж, но вечером в ней было бы – не очень.

В черной юбке и белой блузке с черным же бархатным шнурочком, завязанным бантом у горла, она была неотразима, ходила так на работу, где сидела за маленьким столом с большой пишущей машиной, и в гости, и в разные другие места; принимала в этой одежде меня и поэтому я с ней – хорошо познакомился.

Малышка надела свою черную велюровую юбку, белую шелковую рубашонку с перламутровыми пуговицами, оттеняющую ее кожу цвета слоновой кости, черный, продуманный шнурок на шею и прочее, и мы опустились на лифте в преисподенную глубину весенней улицы, понемногу переходившей в весенний город, весь наполненный солнечными пятнами, сырой тенью, свежим ветром, то теплым, то прохладным. Впрочем, я, кажется, описал приметы лета, хотя было опрометчиво заявлено, что действия разворачивались весной.

Мы прошли по Первой Солнечной улице, свернули на Вторую Сумрачную, одной стороной которой был красный каменный забор с железными, двигающимися на колесиках, звучащими воротами ликероводочного завода, другой же ее стороной – являлось нечто вроде полуразрушенного гуннами Атиллы храма Бахуса-Аполлона, или еще какого-нибудь древнего любителя выпить. То есть, конечно, это была пустая городская церковка – реставрируемый теперь памятник архитектуры с элементами романского стиля. Обилие угля в церковном дворе свидетельствовало о том, что в соборе пока что располагалась кочегарка.

С высоты птичьего полета – из окон дома, где проживала моя девочка, эта церковь похожа на ажурную табакерку. Вблизи же она превращалась в огромный, временно языческий, храм. Он пуст и жрецы убиты. Оскверненный, но святой. Ибо живы боги по своей обременительной обязанности оставаться бессмертными и витать над своим капищем, высматривая живых людей, видящих в храме не груду прихотливо обтесанного камня, а памятку вечных истин.

– Жутковато смотреть на пустые окна, – сказала Галатее, прижимаясь к моей руке. Нам в лица пахнуло прохладой с текущей неподалеку реки. Я почувствовал запах, вызывающий

смутные желанья, напоминающий – нечто неопределенное. Облако закрыло дневное свечение над деревьями и отвлекло меня от привычного решения давно разгаданной, да и не требующей ответа аксиомы: зачем я живу? Что-то в этом роде принес ветер в запахе с речки, хотя лексическая расшифровка запахов – занятие неблагоприятное в силу своей приблизительности.

Галатея шла со мной рядом, как ни в чем не бывало, держась за мою руку. Внезапно она остановилась:

– Что-то мне дурно, голова закружилась, – сказала она как о глупом и забавном курьезе.

– Жутковато, говоришь? – переспросил я, увлеченный тем, что из-за поворота показались, стремительно подхваченная порывом ветра, горячая прошлогодняя листва, неосторожно уничтожаемая дворником памятного места. Он сам не выскочил следом, ловя испепеляющиеся сокровища прошлой осени и разный другой мусор, предоставляя всем кто хочет – поступать с дымным завихрением как им заблагорассудится; и дым послушно обрел для меня форму толпы грязных коротышек в замшевых пестрых куртках, меховых шапках. Гунны размахивали короткими мечами. «Какие красавцы» – подумал я, преодолевая в себе опрометчивое желанье, броситься прочь.

В небольшом женском теле Галатеи я почувствовал неопределенный импульс отстранения, короткий, как случайный мажорный аккорд в ее репертуаре, потом она снова качнулась ко мне, уходящая, но почти спокойная. Опуская ресницы под тяжестью туши, уцепилась за мою руку, которая слегка одеревенела оттого, что я смотрел туда, откуда неслась на нас с воплями косматая орда.

«Представьте себе – подумал я.– Они появились из-за угла патрицианского дома, в окнах которого мелькали языки пламени, а на мраморе лестниц лежали окровавленные люди, некоторые были еще живы. Их ненасытные убийцы неслись на нас, размахивая своими черными топорами и короткими латинскими мечами с назастывшими каплями на лезвиях. Впереди на злобном пегом коньке чуть повыше пони скакал грязный всадник со спутанными волосами и лицом темном от пыли».

У Галатеи подкосились ноги, я почувствовал, как она оседает книзу. Перехватив ее на полпути к земле, взяв на руки, я снова посмотрел на варваров, оказавшихся (пока я проделывал свой долг вежливости по отношению к любимой) уже подле нас. Всадник, остановил на полном скаку лошадку, спрыгнул с нее и, бросив ременные поводья подскочившему войну, оказался женщиной.

Это была предводительница данной десятки или, что в сущности одно и то же, царица этого народа со своими телохранителями. Тонкая кольчуга поверх льняной рубахи, защищая от ножей, ничего не скрывала от глаз. Лицо, измазанное сажей, было совсем не лицом гуннки, коих Аэций, помнится, так недолго любил, хотя и спал с ними периодически. Белая красавица обратилась ко мне на языке своих спутников, который знала неплохо:

– Вы такие разные, – сказала она.

Я промолчал, но из вежливости улыбнулся. Странно услышать такое посреди горячащего грабежа, когда войны, готовые делать свое дело, посматривают на маруху-предводительницу в ожидании знака. Поступки дам непредсказуемы для меня.

– Вы любите друг друга? – спросила она.

– Я люблю, а она девушка и не любить кого-нибудь не может.

Амазонка прыснула, было смехом, но, быстро сделавшись серьезной и, опустив глаза, замолчала, словно заинтересовалась узором каменной мостовой.

– Ты дерзок, – наконец произнесла она полувопросительно.

– Да что вы, – сказал я, перекладывая поудобнее мою бесчувственную ношу и думая о том, что в продолжение разговора стоять на коленях было бы полегче. – Я всего лишь не в меру откровенен.

– Недостаток в наше время.

– Как и во все прочие, – сказал я.

– Ты не боишься, что тебя убьют? – спросила она, откинув голову, и в улыбке, показывая прекрасные зубы на запыленном лице. Я не знал ответа на этот вопрос, но промолчать значило показаться неучтивым.

– Пока что я боюсь только своей гордости. – Ответил я. – Это, во-первых. Во-вторых, сейчас никого не убивают, разве что по ошибке. Ну и, в-третьих, вы ведь – мираж!

– Что-то очень далекое? Но неверно воспринимаемое, в силу каких-то причин, как близкое? – произнесла она медленно, словно бы думая вслух как это бывает с людьми не часто задумывающимися. – Однако теперь мы приблизились к тебе, и, называй это как хочешь, но ты запросто можешь погибнуть.

– Только не от вашей руки. Ведь мы похожи. Я точно так же опускаю глаза.

Наша скромница амазонка улыбнулась едва заметно, в ответ на мое мужественное признание в недостатке мужественности и, крикнув своим войнам, чтобы не трогали нас, вскочила на коня и унеслась вместе со своей вонючей оравой...

Мы стояли на изгибе улицы, которая, вильнув, спускалась к реке. Галатея очнулась от обморока и попросилась на землю. Поставив ее на ноги, я почувствовал своим животом ее вяло тукающее оживающее сердце, которым она прислонилась ко мне.

– Ты, наверное, беременна, – сказал я. Она слабо засмеялась:

– Постучи по дереву!

– Нет ничего подходящего кроме моей глупой деревянной головы, – ответил я дежурной шуткой того сезона.

Усатый таксист притормозил, проезжая мимо нас, потом потихоньку покатил вниз по улице, свернул на набережной по направлению к Лефортовскому мосту.

– Что я бухнулась-то? – задала она вопрос похожий на риторический, потирая висок пальцем с облупившемся лаком на ноготке.

– Бедная Галатея, – сказал я непослушным голосом, стараясь изо всех сил придать ему больше нежности. Я обнял ее за плечи, провел пальцем по мокрой щеке, старательно изображая искреннюю нежность. – Сейчас весна, ты еще не окрепла. Пойдем домой?

– Мы же только что вышли, – проговорила она задумчиво и немного подозревающе, потом добавила, быстро успокаиваясь от этой последней мысли, – что касается слабости, то это не только от весны.

– Но я же не виноват, что так люблю тебя.

– Я не виню, наоборот, – она, надув губки, стала копать одной рукой в сумочке, достала пудреницу с зеркальцем, посмотрелась туда и кокетливое выражение сменилось озабоченным. – Ужасно, так домой нельзя идти, мама сразу заметит.

– Посидим в парке, купить тебе лимонаду? Магазин еще открыт.

Она отказалась, держась за меня, и, постепенно принимая свой обычный вид независимой женщины, прогуливающей своего избранника, – ступила с тротуара на проезжую часть улицы, за которой, прикрытый декорациями стареньких строений, начинался небольшой парк.

– Посмотри, какой домик.

– Замечательный, – подтвердил я, – ему лет сто пятьдесят. Вообрази, сколько раз зажигался и гас свет в этих пыльных сейчас окнах на двух этажах, до того момента пока не окончательно износилась проводка. Внешне не изменилось ничего, все тот же вид на церковь и спуск к реке... Дом стоит и стоит, последние семь десятилетий вовсе без ремонта, который и не нужен, ведь старый мир полагается разрушить до основания, а домик – его неперемнная принадлежность. Когда его построили, улица была мощеной и, должно быть, по ней от берега вверх возили на телегах дрова... А сама Яуза текла без всякой набережной, бетона и гранита, и весной вода доходила во-он аж докуда.

– А кто в нем жил?

– Разные люди. Сначала некий владелец винокуренного завода, или его управляющий.

Потом другие, их сменилось немало.

– А сейчас, – спросила она с интересом.

– Никого. Он пуст. Его ночное одиночество скрашивают старые кошки и приведенья.

– Ну тебя, – она шлепнула меня по запястью, не оценив моей деликатности, так как среди жителей старого домика мимо которого мы проходили, я не назвал бездомных и наркоманов, которые жили где хочется и как хочется, пользуясь своей забытостью.

Мы обошли дом, из-под самых стен которого, росли кусты, а на дверях его Андреевским крестом были прибиты доски и висел ржавый замок, легко открываемый гвоздем.

– Скоро будет парк, – сказала Галатея, – мы там гуляли в детстве всей семьей, давно-давно.

– Ну, что ж, повторим, если тебе было хорошо в том парке. Кстати, он был волшебный?

– Нет, откуда взяться волшебному парку у такой обыкновенной девочки. Но там было просто замечательно, – сказала она и, погружившись в воспоминания, замолчала. Я поглядывал на нее сбоку и не мог поверить, что этот королевский профиль скрывает мысли о, недопечатанном квартальном отчете бухгалтерии. Ее ладонь подрагивала в моей, и мы шли к парку ее детства. Шагая по дорожке, с обеих сторон окаймленной разросшейся живой изгородью, колючим бордюром из акаций, я никак не мог понять: вошли ли мы уже или еще нет.

Дорожка, повернув в сторону, растворилась на пустыре, мы остались одни перед воротами с сеткою поверху и держащими ее двумя столбами, пересекающими таким образом фигурно-гипсовый, давно не беленый парапет. Рядом с воротами стоял некто и курил. Его я и спросил:

– Скажите, мы входим или выходим?

– Вы стоите перед воротами, – ответил он, ничтоже сумняшись, затягиваясь папиросой.

Выдержав его скептический взгляд, я продолжил беседу:

– Конечно. Но, если мы войдем, – мы «войдем» или «выйдем»?

– Смотря куда, – ответил он спокойным голосом, но нервно поправил черный пиджак, накинутый на худые плечи.

– А как вы думаете?

– Ну... тут все просто: девушка хочет выйти замуж, а вы – выйти из создавшегося положения.

Галатея рассмеялась от этих слов, которым, конечно, поверила только на свою половину.

– Ну и что ждет нас там? – не унимался я. Он ответил пожатием плеч или просто поправлял сползающий пиджак.

Мы продолжили путь. Незнакомец раздраженно исчез, но мимо нас потянулись модные парочки: мужчины в нарочито мешковатых штанах и дамы в ярком. Разговаривая и смеясь, они как-то странно напевали: «Зачем, зачем на белом свете-е?», вместо того, чтобы как все нормальные люди петь: «Я-яблоки на снегу!». Детей не было, семейные уходят раньше.

Близорука прищуриваясь, Галатея разглядывала проходящих, или, быть может, это было следствие лучей, светивших на нас последним усилием, скрывающегося за бетонные жилые параллелепипеды, солнца, облагораживавшего их розоватыми тонами.

– Тебе не холодно? – спросил я.

– Немножко. – Последовав примеру закатных силуэтов, я снял пиджак и укутал им мою трепетную спутницу. Она в нем удобно устроилась, пиджак выглядел на ней шинелью.

– Зайдем?

– Уже поздно.

– Ну, на минутку, – попросил я и, не дожидаясь ответа, повлек ее в вечерний сумрак алей, чтобы в нем затеряться.

Вдоль засыпанных влажным песком дорожек, на свежих газонах тянулась ввысь тонкая трава, производившая впечатление первой травы на земле. Словно бы до нашего появления тут ничего еще не было: ни травы, ни людей, ни самих деревьев. Но как же они появились в таком изобилии с густейшей темно-зеленой листвой, поглощающей свет закатного солнца?

Уже не осталось даже розовых лучей, оседая на землю, они темнели, становились малиновыми, пурпурными, фиолетовыми и, наконец, исчезали вовсе из видимого спектра. Обычно это состояние природы называют ночью. Хотя, возможно, все развивалось не совсем так, ведь летние вечера тянутся долго, ночь приходит на мгновение, как закрытие век, и снова вдруг, из всех пор мироздания сочится свет. А потом появляется само светило, обновленное и упругое как кусочек оранжевой ртuti.

Но тогда оно только исчезало где-то на западе, скрытое листвой. Мы прошли немного по аллее. Деревья поредели, и впереди показалось небо над пустынной площадкой.

– Это стадион, – сказала Галатя, – мы можем посидеть на скамеечке.

– Стадион, – повторил за ней я, чтобы как-то зафиксировать свое присутствие. Мы вошли в ряд сидений на коротком естественного происхождения, склоне пологого спуска к реке. Низ амфитеатра, на галерке которого мы устроились, терялся в полумраке. Рядом с нами вокруг кое-где сохранились доски сидений, а в большинстве они были каменные – бетонные, с торчащими тут и там железными штырями.

– Похоже на цирк, – сказал я, садясь и усаживая рядом мою спутницу. Покрытые мхом ряды бетонных сидений с торчащими запятыми ржавого металла вызвали в памяти картинку прошлого лета, когда, обнаружив на берегу отполированный волнами кусок бетона, я подумал, что это произведение человеческих рук так похоже на кусок божественного гранита. Галатя совершенно не поняла меня:

– На Новый? – спросила она.

– На совсем-совсем старый, – пояснил я с обращенной в полутьму улыбкой королевинного шута, – на Цирк времен Республики.

– Какой? – спросила она из сумрака, словно из морской пучины.

– Той, что была до Империи... Римской, конечно же, Римской, все остальное плагиат, – сказал я ласковым шепотом раздевания. Мне хотелось, чтобы получился именно такой, после которого женщина не обижается на односложные ответы, не имеющие к тому же отношения к ней, к ее глазам, фигуре, нарядам. Я был уверен, что ласково сказанная фраза может быть односложной: да, нет; она может быть, по сути, резкой, но не выглядит грубостью; она может быть грубостью, но воспринимается как ласка.

Мы замолчали и посидели, прижавшись, глядели в темноту, слушали звуки ночного города и интимные звучанья внутри нас, немного смущавшие меня. Город, вокруг нас, был огромен, но его мощь легко скрывала темная листва. Мне казалось, что должно произойти что-то не улавливаемое ни сознанием, ни чувством, только чем-то таким осторожным, живущим в самом дальнем закутке души, существующим ради этой души, но появляющимся очень редко, как бы случайно, его появление может легко пройти незамеченным.

– Хочешь в Рим? – спросил я, довольно неуклюже пытаюсь объяснить происходящее со мной.

– В Античный или современный, – переспросила она, добросовестно пытаюсь понять собеседника. Она смотрела на меня, сквозь сгущающуюся темноту, глаза поблескивали, неизвестно что отражая.

– Современность становится особенно интересна через тысячу-другую лет. Жаль, что к тому времени нас уже не будет, меня мало волнует сегодняшнее.

– А я? – спросила она неожиданно серьезно и требовательно. В ее глазах угадывался этот полускрытый тьмой вопрос и требование не медлить с ответом. Но, поскольку мне казалось, что прежде я видел в них и мольбу, то глаза меня в тот миг заинтересовали меньше чем губы,

полностью скрывшиеся во тьме. Я коснулся их ртом, размышляя о парке, которым не пользовался никто кроме нас и местных мальчишек, похожих иногда на эринний. Он скрылся в безвременье, не афиширует себя меж домов и забыт напрочь. Каждый видит в нем что хочет, кто-то – один из Лефортовских парков в двух автобусных остановках от старинной Гошпитали, кто-то – спасенный от вырубки лесок, кто-то – заросший самостийным лесом динамовский стадиончик.

В общем, люди запамятовали, а он не напоминает о себе, хотя сам – все помнит. Должно быть, у него есть причины и чтобы помнить, и чтобы не напоминать.

– Сейчас зажгут фонари и выгонят зверей. Сразимся? Ты слышишь их рычанье?

Потершись щекой о мое плече, она поерзала и, изменив позу, переложила руки ко мне на колени при этом, случайно опершись на топорщенье мужских брюк, ойкнула, а потом опять ласково потрогала матерчатый бугорок – уж нарочно. Трудно ошибиться, комментируя последствия этого легчайшего прикосновения, ничего кроме расслабления в мыслях и напряжения в теле оно вызвать не может. Но любое движение следует соразмерять с ситуацией, и я не последовал ее примеру и не стал грубо лезть к ней в трусы, а сначала поцеловал, сказал нежнейшим голосом несколько приятных слов, например: солнышко мое ночное и так далее.

Потом, сунув руку под знаменитую «летучую мышь», которая отсвечивала искорками далекие звезды, и обнаружил там, на прежнем месте мягкие небольшие теплые грудки, безропотно поддавшиеся моим пальцам. Ее реакцией стало учащенное дыханье, она прильнула ко мне, и не стоило большого труда переместить ее к себе на колени, что облегчило доступ к ногам, а так же всему самому приятному. Очень скоро она задрожала, подставляя темноте и моей ладони свои ягодицы, выскользнувшие из трусиков. Вся она с оголенной попкой легко уместилась на моих коленях, держась слабой ладонью как за рычаг за вдруг ставший таким тесным гульфик моего камзола.

Разложив ее на коленях как лютню, я левой рукой взял ее соски, а правой изрядно повлажневшей, водил по промежности бархатистого персика, прощупывая не столь уж далекие косточки и обильную мякоть, которая все белее доверчиво отдавалась моей руке. Наконец, очень быстро, она застонала тихо и мелодично, так как давно была приручена, приручена к рукам, после чего кофточка на ней стала чуточку влажной.

Мы ненадолго затихли, прислушиваясь к звукам ночного города за кустами. Потом она прильнула губами к моей руке, пахнувшей потом ее подмышек, прижалась ко мне и через некоторое время стыдливо спросила: «Хочешь я поцелую тебя сюда?». Вместо ответа я услужливо растянул молнию, и мраку ночи предстало нечто, прежде столь стесненное и напоминающее кому-то нефритовый стержень, кому-то вызывающее воспоминание о лабораторной колбе.

Пробежав муравьиными прикосновеньями по самому чувствительному из рычагов, она склонилась к нему и робко коснулась губами. Позабавлявшись таким образом, она, кажется, собралась, было домой, но я напомнил, что теперь моя очередь порадоваться жизни, если уж мы никак не научимся делать это одновременно. Она деловито поинтересовалась, как я позабочусь о последствиях, но я продемонстрировал свежую упаковку презерватива и, тут же распечатав его, натянул тончайшую пленку на, все еще сжимаемый ее ладошкой, разросшийся участок моего тела. Потом я пристроился к ней сзади и долго, целую вечность пытался войти в нее, но, отчужденный резиновым колпачком, очень не сразу сумел это сделать. Когда, наконец, получилось – был почти счастлив. Мы постояли на коленях, без мыслей об эдемовом змие; девочка, ища самую нежную точку для того, чтобы вовремя перевернуть свой внутренний мир, поклонилась навстречу тьме, предоставив мне, слабенькое свечение своего округлого зада, по которому как-то сами собой скользили мои ладони.

Первая волна восторга сменилась затишьем, Галатhea приподнялась с травы, предоставив мне вывалившиеся из бюстгальтера груди, это стало причиной моего второго сладостного усиления. Но и оно завершилось неторопливым покоем. Проехала где-то далеко машина, никаких

других звуков в этой тьме и этом мире не донеслось до нас. Подумав, стоит ли форсировать события, я закрыл глаза и этим, без излишних стараний, сконцентрировался на нужной в данный момент чакре своего тела. Вся энергия из его органов потекла-потекла туда вниз, хлестнула, вернулась обратной волной и маленьким, персональным атомным взрывом – выплеснулась во вселенную из стеклянной колбы, разбитой у ступенек ее трона.

Было очень тихо, и только где-то за деревьями проносились автомобили, да с реки долетал звук мотора, работающего там парходика. Наступила ночь. И в тот момент, когда тьма достигла наибольшей плотности, когда стало ясно, что темнее сегодня уже не будет, разве что если умрешь, откуда-то сверху начал падать голубоватый свет. Сначала он был едва заметен, но его невозможно было спутать со светом уходящего дня, потому что граница света и тьмы, хотя коротко, но обозначилась. Потом свет усилился и стал разгонять мрак вокруг, и, наконец, достиг такой силы, что мы поняли: он не чудится, а существует на самом деле.

– Странно, – сказала Галатhea, – откуда этот свет?

– Зажглись фонари, – объяснил я, – один из них висит прямо над нами.

– Странно. На чем же он висит?– сказала она, посмотрев вверх, – в листе совсем не видно. Похоже, что его повесили прямо на ветку.

Подняв голову, я увидел яркий бело-голубой шар, наполовину спрятавшийся в листьях. Вокруг него носилась мелкая крылатая живность.

– Нам пора, – сказал я.

– Пойдем, – Галатhea присела на скамью, натягивая трусики,– я не думала, что мы так задержимся.

– В моем образе ты видишь олицетворение идеи творящей человечности.

– Это аллегория?

– Абстрактная философия. Конкретно только то, что я хочу стать человеком.

– В человеческом мире все стремится к концу. Помнишь «и всех вас гроб, зевая, ждет».

– Как будто есть какой-то конец и какое-то начало? Кто-то устремлен в бесконечность, ему тесно в границах земного пространства и времени, как в склянке. Моя судьба говорит о том, что обретение «абсолютного» возможно лишь с утратой «относительного», чем является человеческая жизнь. Но, в общем-то, между ними разница не столь велика и совершенно не принципиально. Один хочется уподобиться богу, другой – человеку.

Мы посидели еще немного, потом, с сожалением оставив под скамейкой маленький полупрозрачный мешочек, прошли по освещенным голубоватым светом аллеям, через белые ворота с железной сетчатой дугой, мимо старого пустого дома, церкви в строительных лесах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.